

ДОМ, КОТОРЫЙ
Я ПОСТРОИЛА СЕРДЦЕМ

Книга 1

Место, где я не сломалась

Книга о девочке,
которая однажды
потерялась.
И о женщине,
которая её нашла.

ИСТОРИЯ
О СИЛЕ,
ЛЮБВИ
И ВОЗРОЖДЕНИИ

Автор: Лина Май

Лина Май

Место, где я не сломалась. Книга 1

«Автор»

2026

Май Л.

Место, где я не сломалась. Книга 1 / Л. Май — «Автор», 2026

Девочка в деревне – это почти всегда малолетняя залётная мама, курящая, выпивающая, без дальнейшего образования. Такой путь в 99% случаев предопределён. Девочка растёт в семье, где взрослые не способны защитить детей. Алкоголь, постоянные драки и скандалы, случайные мужчины, голод и страх становятся привычной частью жизни. Сложный, но временами яркий и интересный жизненный путь от ребёнка в рваных рейтузах, которая подбирала с замёрзшей дороги хлеб, подвергавшаяся насилию и физическому, и сексуальному, к женщине, настроившей отношения с детьми до уровня – я доверяю тебе жизнь. Во взрослой жизни судьба не становится проще. Героине предстоит пережить суицид мужа, в одиночку воспитывать детей, столкнуться с бедностью, переездами, предательством. Финальная часть книги — не о победе над прошлым, а о примирении с ним. Героиня понимает, что нельзя изменить прожитое, но можно изменить то, что она передаст своим детям. Именно это становится настоящим местом, где она не сломалась.

© Май Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Место, где я не сломалась. Книга о девочке, которая однажды потерялась. И о женщине, которая её нашла.	5
Спасибо, что подарили мне жизнь.	6
Я ещё жива	7
Глава 1. Я помню стены, но не помню себя	9
Глава 3. Девочка, которую не научили	12
Глава 4. Замёрзший хлеб	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лина Май

Место, где я не сломалась. Книга 1

Место, где я не сломалась. Книга о девочке, которая однажды потерялась. И о женщине, которая её нашла.

Эта книга появилась благодаря моим детям.

Спасибо, что подарили мне жизнь.

Пролог

Я ещё жива

Почему-то принято считать, что книгу, настоящую книгу, может (или имеет право) написать только воистину могущественная женщина. Или известная. Или богатая. Или всё вместе. Та, которая на обложке будет выглядеть как победитель в дорогом костюме, при макияже и ниткой жемчуга на шее.

Я не такая.

Мне сорок шесть.

Если посмотреть со стороны — список потерь выглядит внушительно.

Два брака, которые не стали тем, чем я мечтала: из первого я вышла вдовой самоубийцы, из второго — обанкротившейся многодетной матерью.

Дом, который так и не стал моим.

Переезды, один за другим, будто жизнь всё время собирала мои вещи в коробки и говорила: «Пора дальше».

Деньги, которые приходили и уходили.

Тяжелая депрессия и антидепрессанты.

Тотальная усталость.

Где-то там, в другой реальности, наверное, я должна была бы сидеть среди обломков и спрашивать:

«Почему именно я?»

Но я не спрашиваю. Странно, правда?

Сейчас, когда многое разрушено, я чувствую себя спокойнее, чем когда у меня вроде бы всё было.

Потому что самое главное осталось.

Я жива.

Мои дети живы.

Они здоровы.

Они смеются, спорят, растут, задают вопросы, строят свои маленькие миры.

У меня есть четыре Вселенные: Лиза. Митя. Карим. Амина.

И если бы меня спросили, что самое ценное я создала в этой жизни, я бы не назвала ни один дом, ни одну покупку, ни один успех.

Я бы назвала их.

Я долго думала, что счастье — это когда всё правильно. Когда есть свой дом. Когда есть деньги. Есть карьера и куча друзей, и к соседям ходишь на чай.

Когда никто не может тебя выгнать.

Когда у тебя есть место, куда ты возвращаешься и закрываешь дверь, понимая: «Здесь я в безопасности».

Наверное, потому что именно этого у меня никогда не было. У меня никогда не было ощущения тыла. Я всю жизнь жила как на войне. Не обязательно с оружием и громкими событиями. Иногда война — это когда ребёнок не знает, что бывает иначе. Когда он привыкает.

К напряжению.

К страху.

К тому, что нужно самому.

К тому, что взрослые рядом, но защитить не могут.

Сейчас я понимаю одну вещь: я всю жизнь строила дом. Только долго не понимала, что именно делаю. Я собирала красивые вещи. Любила порядок, свой порядок. Любила, когда ложки лежат ровно у тарелки, когда листы бумаги сложены аккуратной стопкой, когда пространство вокруг становится красивым и спокойным. Раньше я думала: ну вот такая я странная.

А потом поняла.

Может быть, человек, который слишком долго жил в хаосе, однажды начинает создавать порядок не потому, что ему так хочется.

А потому что так он дышит.

Я мечтаю о доме. Не просто о квартире с квадратными метрами. Я мечтаю о старом доме с историей.

О саде. О сирени и гортензиях. И чтобы обязательно была береза, плакучая, с ниспадающими ветвями. Еще о яблонях. О большом круглом столе во дворе. О кресле-качалке, которое, возможно, я однажды сама сплету. Я хочу место, где будут слышны птицы. Где можно будет выйти утром с чашкой кофе и почувствовать: «Я дома».

Но эта книга не про дом. Вернее, не только про него.

Эта книга про девочку, которая однажды потерялась. И про женщину, которая спустя десятилетия нашла её. Про ту маленькую, которая терпела. Которая боялась. Которая хотела одного простого чуда: чтобы её любили.

Я не знаю, станет ли эта книга спасательным кругом для кого-то ещё. Не знаю, найдёт ли кто-то в моих словах себя. Но я знаю одно.

Если когда-нибудь маленькая девочка, женщина или просто человек, которому тяжело, прочитает эти страницы и подумает: «Значит, можно выбраться», получается, я написала её не зря.

И если бы сейчас я могла встретиться с той девочкой, которая когда-то не знала, что её ждёт впереди, я бы сказала ей:

«Маленькая моя.

Ты справилась.

Ты умница.

Ты выросла.

Теперь можно.

Теперь ЖИВИ.

С большой буквы».

Часть I. Девочка, которая потерялась.

Глава 1. Я помню стены, но не помню себя

Странная штука — память. Иногда мне кажется, что она не архив.

Она больше похожа на старый дом. В нём есть комнаты, куда ты заходишь — и всё стоит на своих местах. Каждая мелочь. Цвет стены. Запах. Свет из окна. Даже ощущение воздуха.

А есть комнаты, дверь в которые закрыта. Ты знаешь, что они есть, но ключ потерян.

Когда я говорю людям, что помню себя совсем маленькой, когда еще еле сидела, а о том, что ходила, даже говорить было рано, они удивляются.

«Как это возможно? Ты же была совсем ребёнком».

Я и сама не знаю. Но я помню. Я помню свою кровать, помню комнату, помню, как всё было расположено, где стояла мебель, даже что я видела из окна.

Будучи уже взрослой, я рассказала это маме, и она сначала не поверила, сказала, что такого быть не может. Что я была слишком маленькой.

Но когда я начала описывать детали, она замолчала.

Не потому что согласилась. А потому что узнала - это было именно то место.

И тогда я впервые задумалась: а почему одни воспоминания остаются с нами навсегда, а другие исчезают? Почему иногда ребёнок помнит кусочек света на стене, но не помнит целые годы?

Я помню детский сад. Не всё, конечно, не всё. Но отдельные кадры сохранились так ярко, будто кто-то специально поставил их на полку.

Лето. Веранда. Мальчик Коля. Белобрысый, маленький. И большая коричневая родинка над губой.

Мы играли в семью, Коля был моим «сыночком».

Интересно. Я даже сейчас улыбаюсь этой мысли. Маленькая девочка, которая сама ещё была ребёнком, уже играла в маму. Уже примеряла на себя роль того, кто заботится.

Через много лет я встретила Колю взрослым. Поздоровалась. А он посмотрел на меня так, будто видел впервые.

Конечно, он меня даже не вспомнил. Много лет назад он просто играл с девочкой в детском саду. А для меня это был кусочек целого мира.

Я помню музыкальную школу. Да, музыкалку я тоже закончила.

Старое деревянное здание в селе, районном центре. Особый запах старых помещений, который невозможно объяснить словами. В классе для хора стены были обшиты каким-то материалом в очень мелкую дырочку. Я смотрела на них, долго. И если немного скосить глаза, стены начинали двигаться и плыть. Это было забавно.

Маленькое открытие маленького человека. Я не знала тогда никаких сложных слов. Не знала про восприятие, воображение, особенности зрения. Я просто смотрела на дырочки и получала удовольствие.

Начальную школу я тоже помню больше как место, чем как учёбу.

Старое двухэтажное здание. Кажется, оно было построено ещё в XIX веке, явно в царские годы.

Вся школа отапливалась несколькими большими печами, классы и коридоры. И лестницы, они были такими узкими и неудобными, скрипели постоянно, как в старых фильмах.

Сейчас я думаю: может быть, я всегда запоминала именно пространство? Может быть, места были для меня безопаснее людей?

Но вот еще факт – я хорошо помню себя малышкой, и взрослой. А средняя я? Где? Нет воспоминаний, вернее это сложно сказать, что воспоминания. Так, вспышки, события.

Как Я выглядела? Какая у МЕНЯ была улыбка? Что Я чувствовала? Как Я дружила? Что МНЕ нравилось? Где была Я?

Провал.

Будто кто-то взял ластик и стёр кусок жизни. Часто знакомые в моём настоящем говорят что-то типа «Ты откуда вообще?». Спрашивают так, потому что в разговорах всплывают вещи и ситуации, которые для меня были нормальными. Но для общества моих плюс\минус одногодков – нет. К примеру, я не смотрела многие «нормальные» для поколения фильмы, которые смотрели почти все мои знакомые. Рембо, 9 ½ недель, Молчание ягнят. То есть фильмы-шедевры. Громкие, невероятно популярные, такие, что лезли из всех щелей в мир, которые воспитывали целые поколения. А где была Я? Не знаю...

Разве так должно быть? Разве человек не должен помнить своё взросление? Свои мысли? Свои мечты? Своё лицо в зеркале?

Я пытаюсь восстановить ту девочку. Но это всё будто фотография без человека.

Кадр есть. А главного героя нет.

Сейчас я думаю о памяти иначе. Раньше меня пугало, что я многое забыла. Теперь я просто принимаю это. Может быть, моя память сохранила именно то, что было важно. Стены. Запахи. Лица. То, что помогало мне держаться. А себя я ещё должна была найти.

Потому что, наверное, самое большое путешествие моей жизни началось не тогда, когда я уехала из дома. Оно началось намного раньше. В тот момент, когда маленькая девочка впервые попыталась понять: «А кто я?»

Глава 2. Пряник.

Детская память странная. Она может забыть целые годы. Но иногда оставляет одну секунду, какой-то звук или слово. Один взгляд. И ты несёшь это через всю жизнь.

Я хорошо училась. Очень хорошо. Это относилось и к школе, и к училищу, к любимому университету, одному из сильнейших в стране. Мне нравилось узнавать новое. Нравилось, когда у меня получалось, когда учитель хвалил. Когда я понимала, что сделала что-то правильно.

Наверное, в те моменты я чувствовала себя немного важной, немного заметной. Будто у меня тоже было что-то такое, чем можно гордиться.

Я помню один момент из школы.

Сейчас он кажется маленьким, почти смешным. Но тогда для меня это был целый мир.

Я сделала что-то хорошее по учёбе. И знала: дома мне дадут пряник. Наша семья всегда жила тяжело, жизнь в деревне лёгкой не бывает. Трое детей дома – это тоже не каждый день весело. Продукты по талонам я прекрасно запомнила. Мама в какие-то моменты, пока окончательно не ушла в бутылку, пыталась нас баловать. Но все сладости были под замком. Вы же знаете этих детей, им только дай доступ к вкусностям, вмиг сметут. Тогдашняя моя страна умирала, тоже надо учитывать.

Для кого-то пряник — это просто пряник. Кусочек сладости, обычная вещь.

Но для меня это было больше. Это было ожидание, предвкушение. Маленькая награда. Маленькое подтверждение: «Я - молодец».

Тот огромный старый сундук закрывался на навесной замок, сладости выдавались порционно. Не потому что это было каким-то особым правилом. Просто так было.

Детство вообще состоит из вещей, которые для тебя являются нормой.

Ты не сравниваешь, не анализируешь. Ты просто живёшь внутри своей реальности.

И вот я поделилась своей радостью, своим ожиданием, с одноклассниками, на высоком крыльце школы, когда все уже расходились домой.

Наверное, слишком искренне. Наверное, слишком по-детски. Я сказала, что мне дадут пряник.

И одна девочка засмеялась. Громко, даже слишком.

— Ой, ну сделай ещё что-нибудь, тебе же за это пряник дадут!

Она смеялась. А я стояла. И не понимала. Почему смешно? Почему моя радость вдруг стала чем-то нелепым? Почему то, что для меня было хорошим, для другого человека оказалось поводом для насмешки?

Я заплакала тогда. Но не из-за пряника, даже не из-за этой девочки.

Я заплакала из-за стыда. Из-за страшного детского открытия: моя реальность может быть смешной для других людей.

Наверное, именно тогда я впервые почувствовала разницу между людьми. У кого-то дома были вещи, которые считались обычными. У кого-то были другие разговоры, другие привычки. Другой мир.

А у меня был мой. И впервые мне стало стыдно за него.

Сейчас я вспоминаю это и не чувствую той боли. Остался только факт.

Одна сцена. Одна девочка. Один пряник.

Но я понимаю теперь то, чего не могла понять тогда: та маленькая девочка не была смешной. Она была счастливой. Она умела радоваться. Она умела ждать. Она умела ценить маленькое.

И, может быть, самое удивительное: через много лет я поняла, что эта способность никуда не исчезла. Я всё ещё радуюсь мелочам.

Красивой чашке. Тихому утру. Вкусному кофе с молоком. Своему рыжему коту рядом.

Может быть, девочка с пряником всё-таки осталась во мне. Только теперь никто не может посмеяться над её радостью. Потому что теперь я сама могу сказать ей: «Радуйся. Тебе можно».

Глава 3. Девочка, которую не научили

Есть вещи, которые взрослые считают очевидными. Настолько очевидными, что даже не думают о том, что кто-то может этого не знать.

Как чистить зубы. Как ухаживать за собой, поддерживать гигиену. Как правильно одеваться. Как зашить то, что порвалось, постирать то, что испачкалось. Как разговаривать с людьми.

Как просить помощи.

Для большинства детей это приходит само собой. Потому что рядом есть взрослый, который однажды говорит: «Смотри, делается вот так».

А что происходит с ребёнком, которому не сказали?

Он не думает: «Меня не научили».

Он думает: «Со мной что-то не так».

Я помню один момент в школе. Момент из периода, стёртого ластиком. Еще один кадр.

Мы сидели за одной партой с мальчишкой-хулиганом.

И вдруг он сказал: — Фуууу, какие у тебя уши грязные! Чистить не учили?

Сейчас, взрослой, я понимаю: ребёнок просто сказал то, что заметил.

Но тогда это было как удар. Потому что я действительно не знала. Я не знала, что уши нужно чистить. Это может звучать странно, даже смешно.

Но это была моя реальность. Меня этому никто не научил.

Вроде всё просто. Утро: встаём, чистим зубы, уши, собираемся в школу. Простые действия. Вечер: умыться, почистить зубы, лечь спать.

Но почему же такого простого и привычного ритуала не было? Тех маленьких действий, из которых для многих детей складывается ощущение: «Обо мне заботятся».

Самое страшное в детстве — не отсутствие каких-то вещей, не отсутствие денег, игрушек или красивой одежды.

Самое страшное — когда ты даже не понимаешь, что чего-то лишён. Потому что ребёнок сравнивает себя не со статистикой. Он сравнивает себя с другими детьми.

И видит: они знают. А я нет.

Я была той самой девочкой, которая очень хотела понравиться. Очень хотела доказать: «Я хорошая».

Я хорошо училась. Старалась. Слушала взрослых. Пыталась быть удобной.

Пыталась заслужить внимание. Наверное, внутри у меня жила надежда: если я буду достаточно хорошей, меня наконец увидят.

Сейчас я вспоминаю это уже без злости. Без желания кого-то обвинить. Да, ушло много лет работы над собой, терапия тоже сильно помогла. Я уверена, мне повезло с моим психотерапевтом. Оказалось, даже боль лечит.

Просто факт. У каждого человека есть свой старт. Кто-то начинает жизнь с мягкой дорожки: с заботы, с объяснений. Начинает утро с объятий.

А кто-то начинает с вопроса: «Как вообще здесь всё устроено?»

Мне понадобились годы, чтобы понять: та девочка не была грязной. Не была глупой. Не была хуже других.

Она просто не знала того, чему её должны были научить.

И знаете, что удивительно?

Эта же девочка выросла. И стала человеком, который очень много внимания уделяет деталям. Красоте. Порядку. Уюту. Пространству. Она знает, какие вещи создают ощущение дома, какая ткань приятнее, какой цвет успокаивает. Как поставить предметы, чтобы стало красиво.

Может быть, это не случайность.

Может быть, человек всю жизнь ищет то, чего ему когда-то не хватало.

Я не получила инструкцию, как создать уют. Но я научилась создавать его сама.

Я не получила ощущения дома. Но я мечтаю построить его.

Я не всегда чувствовала заботу. Но я научилась заботиться.

Иногда мне очень хочется обнять ту маленькую девочку. Не объяснять ей ничего. Не читать лекций. Не говорить: «Потом всё будет хорошо».

А просто сказать: «Я вижу тебя. Ты не виновата, что тебе не показали. Ты учишься. Ты растёшь. Ты справишься».

Глава 4. Замёрзший хлеб

Есть вещи, которые невозможно объяснить тем, кто никогда этого не чувствовал.

Голод — одна из них.

Не тот голод, когда хочется перекусить. И не тот, когда пропустил обед и думаешь о еде.
А настоящий детский голод. Когда тело само ищет возможность выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.